

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Эрнсту Бушу —
70 лет

Я УЖЕ ДАВНО отказался от нелепой затеи взять у Эрнста Буша интервью. Помню, несколько лет назад, еще при первом нашем знакомстве, я явился к нему с длинным списком вопросов, которые представлялись мне тщательно обдуманными: о политическом театре Пискарева; об эпитагме Эриха Кестнера; о режиссерской школе Брехта, с которым Буш много работал, и т. д. и т. п. Когда я все эти вопросы торжественно зачитал, Буш как-то поскуливал, потом, распевав своим невероятным и неповторимым голосом ироническое «Я-я, ха-ха», пошел к книжной полке и достал несколько книжек, старых и новых. Он мне их передал, сказал, что именно нужно прочитать, и ушел в подвал пилить какую-то доску. Может быть, случайно, а может, и нет, но в одной книжке торчала закладка. Я раскрыл на этой странице и прочитал отчеркнутые слова: «Биографы заставляют великих людей напрягать бицепсы, а потом носить с этими бицепсами до тех пор, пока не уверюют, что это их собственные...».

Буш язвительный, Буш насмешливый. И — Буш неистовый в работе, придирчивый и безжалостный к себе и ко всем, кого он признает товарищем и партнером. Придирчивый и сомневающийся, мудрый еретик, отрицающий даже хорошее, если предполагает, что существует лучше. Великий художник нашего сложного и интересно-го века, «поющее сердце рабочего класса», как назвал своего друга композитор Ханнес Эйслер, Буш не знает ни меры, ни предела лишь в одном — в том, что касается его труда.

СТУДИЯ звукозаписи фирмы «Немецкая граммофонная пластинка», где работает сейчас со своими помощниками — музыкантами, звукооператорами, техниками — Эрнст Буш, расположена в нескольких шагах от государственной границы ГДР с Западным Берлином, в помпезной, воинствующе безвкусной вилле. С той стороны, на западе, прямо за пограничными укреплениями — рейхстаг. От Буша первого я узнал, что хозяином виллы прежде был президент рейхстага. В 1933 — Герман Геринг. Отсюда, из этого дома, февральской ночью эсэсовцы пронесли подземным ходом в здание рейхстага канистры с бензином. Рейхстаг пылал, а в вилле Геринга подписывались приказы об арестах и ликвидации коммунистов.

В число руководителей и активистов КПП, которые должны были исчезнуть в концлагерях, нацисты включили и Эрнста Буша. Но любимцу рабочей Германии его товарищи помогли скрыться от ищеек гестапо, перейти голландскую границу.

Осенью 1935 года Эрнст Буш — в Советском Союзе. У него здесь миллионы друзей. Московское радио передает песни Буша. Их тайком слушают в Германии те, кого фашизм не сумел превратить в нерассудка-дающих роботов, те, кто не за-

был гордое приветствие «Рот фронт!..» — Испанское небо Разбросало звезды Над нашими окопами...

Песни интернациональных бригад. Разве ошибешься, разве спутаешь, когда их поет Буш? Франц Далем, политкомиссар интернациональных бригад, вспоминает, как на совещании в штабе в Альбасете он сообщил командиру интербригад Луиджи Лонго, что в Испанию прибыл популярный немецкий рабочий-певец Эрнст Буш. «Зачем нам сейчас певцы? Нам нужны люди, которые умеют стрелять», — бросил Лонго. Несколько лет назад Луиджи Лонго, нынешний Генеральный секретарь Компартии Италии, после концерта Эрнста Буша в Риме сказал: «Оружие молчит вот уже больше двух десятков лет, а твои песни продолжают сражаться...».

Многие считали, что он погиб в Испании, как Ганс Баймлер и Артур Беккер, как генерал Лукач, как многие. Но Бушу удалось в 1938 году добраться до Бельгии. Он выступает на рабочих собраниях, поет по радио. 7 марта 1940 года он пишет письмо другу: «Вот уже семь лет прошло с тех пор, как я был вынужден покинуть Германию. Несмотря ни на что, я твердо надеюсь, что уже недалеко время, когда мы сможем сказать: «Родина, ты снова моя».

«Родина, ты снова моя» — это строчка из «Болотных солдат» — песни, сложенной за-

ключенными нацистских концлагерей.

10 мая 1940 года в Бельгию вошли немецкие танки Гитлера. Эрнста Буша вместе с другими эмигрантами доставляют в неоккупированную зону Франции. Он попадает в лагерь для интернированных Сан-Сюприен, мало чем отличающийся от тюрьмы. Почти три года в этом и в других лагерях. Буш пытается бежать. Он добирается до швейцарской границы. И там 15 января 1943 года его задерживают. Гестапо отправляет Эрнста Буша в берлинскую тюрьму Моабит.

Ему предъявляют единственное в своем роде обвинение: «Распространение в Европе коммунизма с помощью песен». На 29 октября 1943 года назначен процесс, который должен закончиться смертным приговором. Но как-то ночью американская бомба разносит ту часть тюрьмы, где находится одиночка Буша. Певца, найденного среди обломков, вместе с десятками трупов бросают в мертвецкую. Случайно один из заключенных, перетаскивавших погибших, услышал стон...

Буш пришел в себя в тюремном госпитале только через несколько дней. Лицевой нерв был перебит ударом железной балки, одна сторона лица полностью парализована. То, что Буш впоследствии сделал на сцене брехтовского «Берлинского ансамбля», — это актерский подвиг, равных которому немного в истории театра. «Не каждый сразу же назовет его

Эрнст БУШ (справа) и чехословацкий писатель Эгон Эрвин КИШ в годы гражданской войны в Испании. Фото АДН—ТАСС.

(Буша) великим актером — точно так же, как средневековые, привыкшие к алхимикам, не сразу назвали великими учеными химиков», — писал в «Записках о театре» Бертольд Брехт.

АПРЕЛЬ 1945 года. Тюрьма Бранденбург.

— В один прекрасный день, — рассказывает Буш, —

дверь моей камеры открылась. На пороге стоял высокий солдат с красной звездой на меховой шапке.

Буш голодный, в лохмотьях, оставшихся от арестантской одежды, шагает пешком в Берлин. Обгоняя его, по дорогам идут советские танки. На одном из перекрестков Буша задерживает патруль. Его приво-

дят в комендатуру. Попытки объясниться с помощью нескольких русских слов, которые Буш помнит, оказываются безуспешными. И тогда он запевает песню, которую пел в Москве, «Песню единого фронта». И кто-то из офицеров, слушавших Буша в Колонном зале тогда, в 1936 году, подхватывает припев песни:

Встань в ряды, товарищ,
к нам,
Ты войдешь в наш Единый
рабочий фронт,
Потому что рабочий ты сам...

1 мая 1945 года вместе с советскими солдатами Буш приходит в Берлин.

Он вернул Берлину, разрушенному войной, боязливому и еще ни во что не верящему, революционную песню, песню борьбы и оптимизма.

ВЕГО ЖИЗНИ как-то удивительно плотно спрессовались события и годы. Первое выступление в 1907 году. На первоммайском празднике сыну кильского каменщика Фридриха Буша — семилетнему Эрнсту разрешили выступить с хором, в котором пел отец. Рабочий певческий союз именовался витиевато и изысканно: «Гармония каменщиков». Эрнст запевал вторую строфу «Интернационала».

Праздник был организован социал-демократами. Пройдут годы, и Эрнст Буш напишет на слова своего друга Эриха Вайнерта злую сатиру, которая называется «Социал-демократическая майская песенка»: «Спой-ка мне еще раз «Интернационал» — только не устраивай столько шума и не с таким патетическим финалом, как когда-то в мае...»

Буш показывал мне выпущенную в Западной Германии пластинку. На обложке — джентльмен во фраке и дама

в вечернем платье. Пластинка называется «Золотые 20-е годы», и в ней собраны популярные мелодии того времени и отрывки из речей политических деятелей. Диапазон — от Гитлера до Марлена Дитриха. О Буше на обложке сказано: «Он стоит слева, он поет слева, он играет левых в театре. Но он делает это с неподражаемым талантом».

— Золотые 20-е годы, — сказал Буш. — У нас тогда было 10 миллионов безработных...

Он походил по комнате, исполнил свое неизменное ироническое «Я-я ха-ха», потом обернулся:

— Я хочу сделать пластинки с нашими песнями. С боевыми революционными песнями. С песнями рабочих кварталов, а не дорогих ночных кабаков. История рабочего движения в песнях. История нашего времени в песнях. Если бы это удалось, если я успею...

Этот разговор помечен у меня в блокноте 1963 годом. С тех пор вышла сборники с пластинками Буша на слова Маяковского, Тухольского, Вайнерта, Бехера, Брехта, Кестнера, сборник «Красный Октябрь», посвященный 50-летию Октябрьской социалистической революции; песни интернациональных бригад... Вышел и сборник «Золотые 20-е годы» — не те, западногерманские 20-е, совсем другие. О которых говорил Эрнст Буш.

Хроника XX столетия в песнях... Огромнейший и благородный труд взял на себя этот человек. И он пишет главу за главой. Он остался верен умирающей песне, с которой вступил в жизнь:

...— Мы наш, мы новый мир построим...

Г. ГУРКОВ.
(Наш соб. корр.).

Берлин.